

— Ха-ха-ха-ха-ха!.. — Хуаэрдэ внезапно разразился безудержным хохотом. — Му Чунъянь, у тебя с головой всё в порядке?

Лицо Му Чунъяня мгновенно помрачнело.

— «Красный пламенный лангуст... ха-ха... Красный пламенный лангуст... ик...»! Ха-ха-ха! — Хуаэрдэ заколотил ладонью по столу, вытирая брызнувшие от смеха слёзы. — Ну и кличка для звёздного питомца, блин! Какого хрена вообще?! Ха-ха-ха!

— Заткнись, — бросил Му Чунъянь.

Понимая, что с именем действительно вышло как-то неловко, он не сумел сохранить своё обычное бесстрашие — по его лицу скользнула тень замешательства.

У Бай Жуна, только сейчас заметившего, что эти двое уплетают обед за обе щеки, глаза округлились от изумления. Боже, какой там был аромат! Аппетитное, сочное мясо с хрустящей корочкой, нежнейшие ломтики огромного лангуста, пышный, мягкий свежий хлеб...

Смесь гнева и горькой обиды захлестнула крошечного пленника. Он сердито переводил взгляд с хмурого садиста-извращенца, молча жующего свою еду, на заходящегося от хохота блондина. От голода в желудке невыносимо зажгло, а под ложечкой тоскливо заныло.

В этот миг страх словно отступил, уступив место безумной отваге. Бай Жун сердито уставился на угрюмого брюнета.

«Ах ты ж вонючий извращенец! Купить меня у тебя денег хватило, а покормить — жаба душит?! Пинать беззащитных мы горазды, а поделиться... поделиться хотя бы паршивым кусочком мяса ума не хватает?!»

Заметив, что послушный до этого кроха-звёздный питомец вдруг уставился на него с нескрываемой злостью, Му Чунъянь слегка нахмурился. Он невозмутимо отправил в рот последний кусочек нежного мяса лангуста и вернулся к размышлениям над подходящим именем.

Бай Жун мысленно взвыл:

«А-а-а! Чёртов придурок! Самый, самый худший хозяин во всей вселенной!»

— Слышь, может, покормишь своего звёздного питомца? — Хуаэрдэ отрезал кусок сочного мяса и дразняще помахал им перед самым носом Бай Жуна. — Ха-ха, глянь, он же с него глаз

не сводит!

С этими словами блондин преспокойно отправил мясо себе в рот.

Бай Жун просто лишился дара речи.

«Действительно, рыбак рыбака видит издалека! Два сапога пара!»

— Роботам еда не нужна, — отрезал Му Чунъянь.

— Не нужна-то не нужна, но есть они вполне могут, — ухмыльнулся Хуаэрдэ. — Для большего реализма разработчики ещё восемь лет назад научили их есть, пить и даже ходить в туалет. Ты что, отстал от жизни и не в курсе?

— В курсе. Но это лишнее.

— М-да... — протянул блондин. — И на кой хрен ты тогда вообще завёл звёздного питомца?

Му Чунъянь ничего не ответил. Он молча наблюдал за крохой-звёздным питомцем, который провожал тоскливым взглядом каждый кусок на вилке Хуаэрдэ, и в груди у него вдруг шевельнулось смутное, неприятное чувство.

Почесав бутафорское кошачье ушко на голове, Бай Жун в последний раз с тоской посмотрел на исчезающее во рту блондина мясо. Сил держаться больше не было. Горько вздохнув, он обиженно опустился на колени и сжался в крошечный, несчастный пушистый комочек.

Шмыгнув носом, малютка уныло подумал, что, скорее всего, он просто протянет ноги от голода задолго до того, как его раскроют как пришельца и упекут в секретную лабораторию на опыты.

«А самое паршивое... перед смертью мне приходится признать очевидное: никакой я не крутой мужик. Как бы ни хотелось это отрицать, факт остаётся фактом: перед этим жутким садистом я пасую и раскисаю, как девчонка. И что это значит? Только одно — я слабак, размазня и ничтожество!»

Уткнувшись носом в пушистые перчатки-лапки, он замер у самого выхода из своего кристально-стеклянного бокса. Со стороны он казался олицетворением вселенской скорби — крошечный сиротливый силуэт, который из последних сил пытался разрешить экзистенциальный вопрос истинной мужественности.

Вдруг до его ноздрей донёсся густой, дразнящий аромат жареного мяса. Бай Жун судорожно втянул носом воздух, уверенный, что у него начались голодные галлюцинации. Но в ту же секунду его подхватила огромная ладонь. Вскрикнув от неожиданности, он сжался в комок ещё

сильнее.

Му Чунъянь посмотрел на мелко дрожащий пушистый комочек у себя на ладони. Нахмурившись, он инстинктивно ослабил хватку, стараясь действовать как можно бережнее.

Поняв, что его не собираются бить или сжимать, Бай Жун отложил философские размышления до лучших времён. Он робко приподнял голову и захлопал влажными от выступивших слёз ресницами, уставившись прямо на своего мучителя.

Брюнет смотрел на него в упор своими бездонными тёмными глазами, плотно сжав бледные губы. Но удивительное дело: на этом абсолютно бесстрастном, суровом лице Бай Жун каким-то непостижимым образом разглядел тщательно скрываемое волнение.

«Да ну, бред какой-то, — мысленно отмахнулся кроха, поспешно прогоняя глупую догадку. — Быть такого не может».

Убедившись, что длинные сильные пальцы больше не сжимают его, он немного успокоился и уверенно поднялся на ноги прямо посреди широкой ладони.

Му Чунъянь едва заметно повёл уголком губ.левой рукой он взял чистую вилку, аккуратно подцепил из панциря уцелевший кусочек нежного мяса лангуста и с самым серьёзным видом протянул его малютке.

Увидев перед собой кусок сочного мяса величиной с половину собственной головы, Бай Жун едва не расплакался от нахлынувшего счастья. Впервые в жизни он по-настоящему осознал, что значит фраза «не помнить себя от радости». Позабыв о всяких приличиях и гордости, он широко разинул рот и мёртвой хваткой вцепился в угощение.

«Боже, как вкусно!» — восторженно подумал Бай Жун. Наспех проглотив первый кусок, он снова жадно набросился на еду.

— Ха-ха-ха, какой милашка! — Хуаэрдэ дожевал мясо и потянулся было погладить крошечную головку, но Му Чунъянь тут же перехватил его руку своей.

— Ну жалко тебе, что ли? — заворчал блондин. — Я бы тебе своих звёздных питомцев тоже потискать дал...

— Без надобности, — даже не взглянув на друга, буркнул Му Чунъянь.

Он не сводил глаз с крошечного звёздного питомца на своей ладони. Малыш усердно пережёвывал огромный для него кусок, забавно раздувая круглые, мягкие щёчки. Его личико светилось чистым, детским восторгом, а тёмные глаза забавно сощурились, превратившись в два сияющих полумесяца.

В груди у молодого офицера потеплело. Это было странное, совершенно незнакомое ему чувство — щекочущее, невесомое и на удивление нежное.

Маленький звёздный питомец казался настолько хрупким и невесомым, что Му Чунъянь боялся лишний раз пошевелиться. Его ладонь постепенно каменела от напряжения. И в тот момент, когда сытый Бай Жун наконец отстранился от вилки...

У Му Чунъяня свело судорогу.

Опора под ногами крохи внезапно задрожала. Бай Жун покачнулся и, не удержав равновесия, плюхнулся прямо в ложбинку чужой ладони. Глядя на то, как у него в руках неуклюже барахтается мягкий пушистый комочек, Му Чунъянь запаниковал, из-за чего судорога скрутила его пальцы ещё сильнее.

«Этот великан что, развалюха недоделанная? — растерянно захлопал глазами покотившийся назад Бай Жун. — Или у него просто дефицит кальция в организме?!»

— Эй, дружище, ты чего? Руку свело, что ли? — подал голос Хуаэрдэ.

Сытый и довольный блондин уже вовсю резался в симулятор мехов на своём терминале. Завершив очередной раунд, он случайно мазнул взглядом по приятелю и с изумлением обнаружил, что пальцы того мелко и неестественно подрагивают.

Сохраняя ледяное спокойствие, Му Чунъянь левой рукой бережно пересадил Бай Жуна на полированную столешницу, после чего принялся разминать затёкшую кисть, надавливая на нужные точки.

— Да, — невозмутимо отозвался он. — Похоже, дефицит кальция.

— Чего?! Кальция?! — Хуаэрдэ едва не поперхнулся воздухом.

Перед ним сидел амбал ростом под два метра, чьи показатели здоровья официально входили в тройку сильнейших во всём звёздном секторе Шэнъя. И этот монстр с самым серьёзным видом заявлял о нехватке кальция!

— Да ты шутишь! Тебе что, элитных пищевых концентратов недоплачивают?!

Не дождавшись ответа — впрочем, иного от этой ледышки ожидать и не приходилось, — блондин лишь обречённо вздохнул. Он повернулся к настенному интерактивному экрану, полистал меню ресторана и заказал несколько десертов на вынос.

Как только пальцы отпустило, Му Чунъянь снова осторожно подставил ладонь маленькому

звёздному питомцу.

— У них тут пудинг и черничный мусс просто объедение. Мои Доунай и Доубао их обожают, возьму им побаловаться, — добродушно болтал Хуаэрдэ, забирая упакованные коробочки у подошедшего официанта. — Я ведь заботливый хозяин, не то что некоторые сухари. Своих звёздных питомцев холю и лелею.

Му Чунъянь одарил его таким ледяным взглядом, что блондин, имевший дурную привычку борзеть при малейшем попустительстве, тут же прикусил язык и притих.

В помещении словно ощутимо похолодало. Наевшийся досыта Бай Жун помассировал крохотные ладошки, согрел дыханием щёки и сыто, совершенно не по-джентльменски рыгнул.

«Какая благодать... — разомлев от сытости, подумал он. — Сейчас бы ещё вздремнуть часок, и жизнь вообще наладится. Правда, зябко тут как-то».

Глядя на довольного, жмурящегося от удовольствия звёздного питомца, Му Чунъянь не удержался и легонько ткнул пальцем в его круглый мягкий животик. Ощутив под подушечкой удивительную мягкость, суровый майор невольно смягчился, и его обычно суровый взгляд заметно потеплел.

Только собиравшийся сладко потянуться Бай Жун от этого бесцеремонного тычка потерял равновесие и нелепо покатился по ладони. Его личико тут же перекосило от ярости. Однако, в гневе вскочив на ноги, он мгновенно осёкся, вспомнив, в чьей власти находится.

Сердце испуганно ёкнуло. Теперь, когда голод отступил и больше не туманил разум безумной отвагой, липкий страх перед этим опасным психопатом снова взял верх.

Заметив, как резко переменился в лице его звёздный питомец, Му Чунъянь, уже собиравшийся ткнуть его ещё раз, внезапно осознал всю глупость своего поведения. Лицо его мгновенно окаменело, а брови сошлись на переносице.

Увидев, как грозно насупился гигант, Бай Жун похолодел от ужаса. Первым его порывом было немедленно сжаться в защитный клубок и затаиться.

«Этот тип ведь злится каждый раз, когда я шарахаюсь от него или показываю страх! — пронеслась в его голове паническая мысль. — Ему наверняка не нравится моя трусость!»

Переборов леденящий страх, малютка стиснул зубы и заставил себя снова выпрямиться.

Почувствовав, как крошечные мягкие лапки несмело переступают по его ладони, Му Чунъянь ощутил, как его пульс участился. Он осторожно пошевелил пальцами, боясь, что рука от напряжения снова онемееет.

Когда эти огромные, подобные колоннам пальцы над его головой шевельнулись, у Бай Жуна от страха едва не остановилось дыхание. Тем не менее, преодолевая слабость в коленях, он сделал первый шаг вперёд.

Му Чунъянь с нарастающим любопытством наблюдал за решительным продвижением своего маленького подопечного.

«Главное — показать преданность, показать, как он мне дорог... — утирая мысленные слёзы, твердил себе Бай Жун. — Нужно во что бы то ни стало подавить желание рухнуть на пузо и притворитьсядохлым!»

Ощущая на себе тяжёлый, пронзительный взгляд великана, Бай Жун шмыгнул носом. Огромные, неодолимые, словно скалы, пальцы нависали впереди, грозя раздавить в любой момент. Но малютка упрямо шёл вперёд. «Кто тут крутой мужик? Я тут крутой мужик!» — твердил он себе. В его глазах стояли слёзы священного трепета и трагизма. В этот миг ему казалось, что у него за спиной должен гроыхать как минимум торжественный военный марш.

Глубоко вдохнув, он гордо вскинул голову, словно идущий на подвиг герой, и, пусть и покачиваясь от страха, решительно подошёл к согнутому указательному пальцу брюнета. Там он замер на мгновение, а затем решительно раскинул крохотные ручки...

...и крепко обнял огромный палец, после чего звонко, от всей души чмокнул гладкую кожу!

«Только вперёд, к победе!» — мысленно проревел он.

На глазах Бай Жуна выступили слёзы великого свершения, а в ушах его зазвучали последние, самые величественные аккорды триумфальной симфонии.

<http://bllate.org/book/19815/2105990>